

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

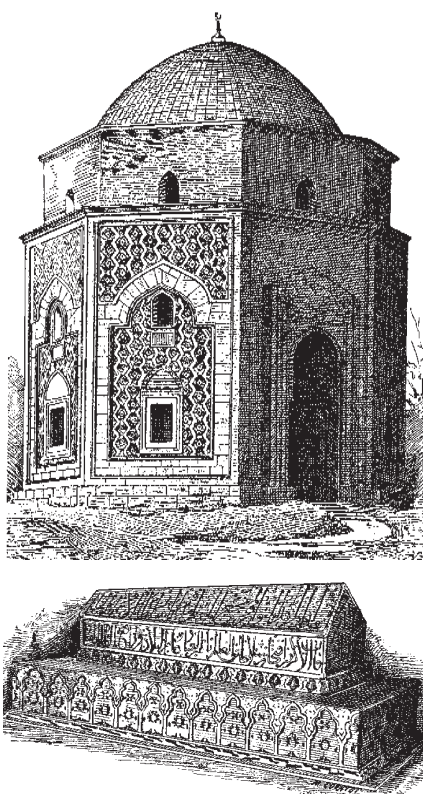
Позднее средневековье. — Образование Османской империи. — Страны Юго-Восточной Европы. — Окончательное «собрание» Русской земли. — Освобождение Руси от монголо-татарского ига. — Образование централизованного Московского государства

Великая идея, лежавшая в основе соборного движения, согласно которой коренное преобразование церкви должно было совершиться без разрыва с прошлым и через ее органы, следовательно, путем мирного возрождения европейского общества на почве просветленного, восстановленного христианства, — эта возвышенная идея не была осуществлена. Обычное, обыденное, прежнее снова добилось своих прав — прав владельца. Тем не менее с Констанцского собора и смерти Яна Гуса началось совершенно иное время. В миллионах человеческих душ началась работа освобождения, которая спустя столетие уже сделала такой шаг, что простое и само по себе незначительное происшествие в небольшом немецком университете могло способствовать прорыву того нового мировоззрения, которое отличает новое время от так называемых средних веков. Два поколения, разделяющие конец Базельского собора и первое выступление Мартина Лютера, протекли среди сильного развития общества на пути прогресса. Этот период времени не отмечен выдающимися, первоклассными умами, но в нем было много дельных людей, тех полезных, деятельных, безвестных, которые, не заботясь о происходящем в так называемом большом свете, работали в тесном кругу, на точно определенной почве, и оказались полезными, часто изобретательными, даже одаренными и творческими. Так открывается за неизведанными доселе морями целый мир новых стран, когда передовое судно медленно и осторожно идет от берега к берегу, от мыса к мысу. С таким же трудом, переходя от понятия к понятию, человечество завоевывает новый внутренний мир, стремясь к свету. Отдельные успехи ускользают от глаз современников, наиболее заслуженные лица сходят в могилу, не узнав всей обширности совершенного ими. Но живущие позднее тем яснее оценивают это, и история описываемых шестидесяти лет кажется тем отраднее, что в ней действуют не великие этого мира, а трудовая толпа с ее вождями, и все отличается плебейским характером. Но прежде всего нужно рассмотреть внешнюю политическую историю европейских государств с выдающимися событиями, чтобы понять внутреннюю жизнь народов и те приобретения в области различных человеческих интересов, которые характеризуют состояние всей Европы на исходе средних веков. В благодарность за свою вполне правильную, по мнению курии, политику король Фридрих III в 1452 г. в Риме получил императорскую корону, за что обещал совершить

**Роспуск
собора.
Время
после
собора
1449 г.**

крестовый поход. Энеа-Сильвио украсил этот торжественный обет (или обещание) всеми цветами своей пышной риторики. Николай V пожертвовал на похвальную цель десятую часть церковных доходов. Но когда появилась эта папская булла, Восточной Римской империя не существовало, т. к. *Константинополь* уже три месяца находился во власти турецких войск.

Монго-
лы. Ти-
мур и
Баязид.

Гробница (вверху) и саркофаг (внизу)
султана Мехмеда I (1413–1421) в
Бруссе. Реконструкция Парвие.

Еще султан *Баязид* приступил к осаде Константинополя (1401 г.), но не успел завладеть городом благодаря неожиданной диверсии, к счастью христиан; на него напал сильнейший враг — монгол *Тимур*, который, став верховным ханом монгольских племен (около 1370 г.), направил свои дикие полчища сначала на Восток, покорил Персию, вторгся в Индию, где завладел страной до Дели (1398 г.), а затем повернул на Запад. На короткое время всеокрушающий поток принял другое направление. Тимур одержал победу над египетским султаном при Алеппо, потом при Дамаске, а в 1401 г. взял Багдад. Памятниками этих побед служили пирамиды, воздвигаемые из черепов убитых. Баязид, перед которым склонились уже столькие власти, от Китайской стены до Средиземного моря и до египетской границы, высокомерно принял послов грозного вождя, требовавшего покорности, но вынужден был двинуть войска ему навстречу. Грозные вожди сошлись при *Анкире* в Галатии. Произошла битва, в которой участвовало до миллиона воинов. Османы не устояли против диких врагов, и в июле 1402 г. Баязид был взят в плен. Победитель сохранил ему жизнь; его плен разделил мюнхенский оруженосец Ганс Шильтбергер, о котором уже говорилось выше. Этот Ганс сопровождал по-

том хромого Тимура («Тимурленга», которого он простодушно переименовал в «Темерлана»), во многих его походах и был свидетелем жестоких битв. Баязид вскоре умер в плену у Тимура, а в 1405 г. во время похода против Китая умер Тимур, образ которого под именем Тамерлана глубоко запечатлелся в памяти западных народов, хотя на этот раз нашествие монголов коснулось лишь окраины Европы и даже задержало неотвратимую участь, предназначенную Восточной Римской империи.

Действительно, битва под Анкирой и ее последствия обеспечили западному христианству продолжительный отдых, давая возможность подготовиться к деятельной обороне. Господство монголов над областями, обращенными в турецкие, было, разумеется, только временным, но между сыновьями Баязида царила кровавая вражда, и оставшийся победителем *Мехмед I* мог водвориться в Адрианополе лишь в 1413 г. Уже при его сыне *Мураде II* (1421–1451) турки возобновили свои набеги, и Константинополь был осажден поклонниками ислама в четвертый раз. Город снова чудом был спасен: один штурм был отбит, а полученные султаном неприятные известия заставили его снять осаду. Но в действительности империя ограничивалась теперь уже только Константинополем с его округом и некоторыми частями на Черном море и в Пелопоннесе. Поправить дело могли только новый крестовый поход с Запада и общеевропейское вмешательство. Поэтому для устранения главного препятствия к этому — разногласий между восточной и западной церковью — сын Мануила II *Иоанн VIII* (1425–1448) отправился в Италию. В западной церкви в это время господствовал раздор, поэтому Иоанну пришлось примкнуть к какой-нибудь партии. Он решил занять сторону папы Евгения и Феррары и здесь, а точнее во Флоренции, куда вскоре был переведен антисобор, 6 июля 1439 г. было торжественно объявлено о великом событии — *воссоединении церквей*. Но народ и духовенство в Константинополе не хотели и слышать об этом воссоединении, покупавшемся ценой уступок, противных православию. Лица, составившие во Флоренции формулу воссоединения, не смели показываться в Константинополе. В то же время христианство и сам папа были несколько ободрены сопротивлением, которое встречал *Мурад* во время набегов на пограничные области. Елизавета, вдова короля Альбрехта, дочь императора Сигизмунда, через несколько месяцев после смерти мужа родила сына *Ладислава*, большинством венгерского народа и магнатов признанного королем. Среди опекунов малолетнего короля самым замечательным человеком был *Янош Хуньяди*, который положил конец опустошениям отдельных разбойничьих турецких шаек, проникавших в страну, и нанес даже в двух блестящих походах сильное поражение более значительной армии, выставленной султаном (1422 г.). Уступая настояниям папских послов, с ним соединился и польский король *Владислав*, причем ими была одержана довольно важная победа над турками в ночной битве при *Нише* (1443 г.). Следствием ее был заключенный в *Чегедине* мир на 10 лет с условием для обеих сторон не переступать Дуная с военными целями. Кардинал Джулиано Чезарини, при-

Успехи
турок.

Медаль Иоанна VIII Палеолога (1425–1448), предпоследнего византийского императора. Работа Пизанелло. Париж. Нумизматический кабинет.

существовавший на совещаниях в качестве папского уполномоченного, был против этого договора, который, быть может, действительно был ошибкой. Но христианам крайне непростительно было нарушить его вскоре, причем главная вина падала на того же папского легата, кардинала Джулиано, и на ту безнравственную теорию, по которой папа или церковь считали себя вправе

Янош Хуньяди. Гравюра из «Хроники венгров» Туроци. 1488 г.

не признавать договоров, заключенных «ко вреду церкви», и освобождали своих мирских подданных от клятвенного обещания их выполнять. Нет сомнения в том, что какими бы громкими словами не прикрывалась эта теория, суть ее все же в том, что можно и не держать слова в отношении к неверным. Кардинал сумел убедить польского короля, признанного и в Венгрии одной партией и пользовавшегося большим авторитетом в это время. Склонил он и собрание магнатов, но ему оказалось труднее составить тот великий христианский союз, на который возлагались надежды. Владислав перешел за Дунай с войском всего в 15 тысяч человек и успел пройти до Варны благодаря тому, что болгарская сторона объявила себя за него. Предполагалось, что султан занят далеко, в Азии, а тот был уже поблизости со своим войском. Генуэзцы, взяв за иудину услугу по дукату с

человека, перевезли турок в количестве 40 тысяч человек на своих судах через Босфор, после чего те направились на север. Столкновение произошло при Варне 10 ноября 1444 г. Перед битвой сквозь ряды османов была пронесена на конце копья грамота с договором о перемирии, теперь нарушенном. Христиан вели в бой Янош Хуньяди и польский и венгерский король Владислав, несмотря на свою болезнь, молодой, красивый 20-летний рыцарь. Османами командовал их султан. Победа уже клонилась на сторону христиан, поляки и венгры пробивались вперед с несокрушимой отвагой и успели прогнать с поля турецкую конницу, одни янычары еще держались, но и они стали слабеть. В христианских войсках вдруг заметили, что не стало короля Владислава, перья на шлеме которого мелькали впереди путеводным знаком для своих. Молодой король занесся, действительно, во вражеские ряды, и в ту минуту, когда янычары выстраивались, он упал с коня и был тотчас убит турками, которые отрубили ему голову, воткнули ее на копье и пронесли перед своими войсками. Наступившая ночь прекратила битву. Отступление было для христиан гораздо губительней самого сражения. Кардинал Джулиано тоже не

остался в живых. Ходили слухи о том, что его собственные люди убили его, считая виновником всех бедствий. Османы не завершили свою победу; Янош Хуньяди, избранный регентом или охранником государства до совершеннолетия признанного теперь всеми Ладислава Постума, сына Альбрехта, энергично принялся за приготовления к новой войне, вступив в переписку с папой и

Печать Владислава III Ягелона.

венецианской синьорией. В 1448 г. у него было войско той же численности, что и бывшее под Варной, или немного сильнее, набранное из венгров и валахов. С запада прибыли лишь некоторые охотники. На *Косовом поле*, том самом, на котором 59 лет назад потерпели поражение венгры и сербы, теперь встретились обе армии. Дело кончилось, как и при Варне, с тем отличием, что измена закралась на этот раз в христианский лагерь: валахские войска передались туркам на другой день, на третий христиане потерпели окончательное

поражение. При отступлении Янош Хуньяди имел несчастье попасть в руки своего врага, сербского деспота. Освобожденный ценой самых тяжелых условий и огромного выкупа, он стал добиваться получения настоящей помощи с Запада, но его усилия были, как и прежде, тщетными. Из денег, собираемых на крестовые походы, и сокровищ, получаемых папской казной из нового источника со времен Бонифация VIII — юбилейных празднеств (сроки, на которые

все сокращались, сначала со 100 лет на 50, потом на 33 года, затем на 25 лет), передовые оплоты христианства против турок получали совсем мало. С другой стороны, Яношу не удавалось заключить с неприятелем сколько-нибудь продолжительного мира, и при таких обстоятельствах настал роковой год.

В 1451 г. Мураду, пользовавшемуся славой умеренного и справедливого властителя, наследовал его сын *Мехмед II*, юноша 21 года, честолюбивый, полный воинственных замыслов. Укрепив свой престол по восточному обычаю казнью казавшихся ему опасными родственников, он счел наступившим время для возвращения османами их естественной столицы. Он почти не скрывал своих намерений: в том же году, когда он достиг власти,

Мехмед II.

Монета султана
Мехмеда II (1451–
1481). Париж.
Нумизматический
кабинет

он начал строить крепость на европейском берегу Босфора, в наиболее узком его месте, неподалеку от Константинопольских ворот. Император *Константин XI*, носивший в то время корону, утратившую почти всякое значение, тщетно пытался воспрепятствовать этим работам; султан даже не принимал посольств, присылаемых по этому поводу. Вскоре открылись враждебные действия, к которым подала повод постройка этой крепости. Палеолог, сознавая их враждебность, стал мужественно готовиться к защите. Он снова обратился за помощью к западным державам, прежде всего к папе. Ожидаемая помощь со стороны последнего ограничилась присылкой какого-то кардинала Исидора, который прибыл в ноябре 1452 г. в погибавший город и стал проповедовать в пользу воссоединения церквей. Император склонился на предлагаемые формулы исповедания, но это лишь раздражило все православное население, подняло всех монахов, народ, чернь, и прежде чем пара галер, снаряжаемых папой на его личные средства или на доставленные ему другими государями, успела появиться в восточных водах, судьба города уже решилась.

Мехмед дал осажденным время как-то подготовиться к обороне в течение зимы, но сам завладел всеми путями, по которым им могла бы подоспеть помощь. С наступлением весны 1453 г. он двинул из Адрианополя свои полчища в составе 3–4 тысяч человек, и когда эта армия опоясала город дугой, от моря до моря, с суши, то к его стенам, обращенным к морю, приблизился флот. Город оказал мужественное, неожиданное для султана сопротивление. Он был надежно защищен с суши двойной стеной; гавань Золотой Рог, в которой находилась маленькая эскадра из 16–20 судов, была замкнута цепью с моря. Были минуты, когда не только набожные и искренне благочестивые люди, но и сами вожди и все понимавшие военное дело надеялись на то, что и в этот раз

Осада и
завоева-
ние Кон-
стантино-
поля.
1453 г.

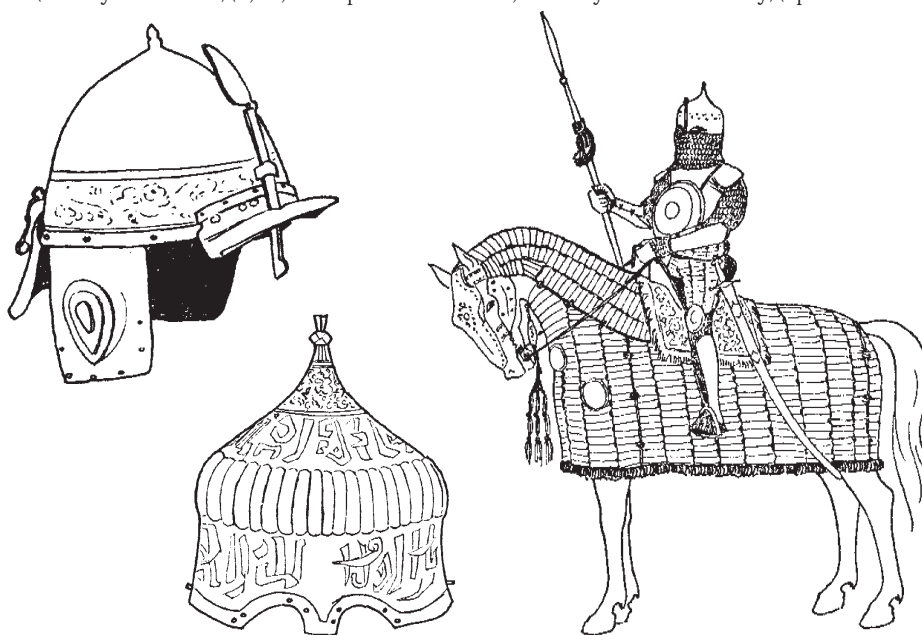
язычники вынуждены будут отступить. Император был человеком решительным и самоотверженно предавался отчаянному делу защиты. Город надолго был обеспечен продовольствием; среди вождей находился один генуэзец, одаренный замечательными военными способностями, некто *Джованни Джустиниани*. Но гарнизон был слишком малочисленным для обороны такого обширного города. Он состоял самое большее из 10 тысяч человек, среди

*Карикатурное изображение турецких воинов. Рисунок XV в.
Нюрнберг. Германский музей.*

которых находилось до 3 тысяч иностранцев, большей частью генуэзцев и венецианцев, в то время как османы, при всем неумелом ведении осады, как и вообще при штурмах укрепленных городов, имели перевес в людях для ведения боя. У них были осадные орудия, несколько небольших пушек и одна громадная мортира, выбрасывавшая ядра из черного камня весом до тысячи фунтов. Она не наносила особенного вреда, и ее разорвало при одном из семи выстрелов, выпускавшихся ежедневно. Дела приняли худший для христиан оборот, когда туркам удалось благодаря огромной рабочей силе, которой они могли располагать, перетащить при помощи настеленных досок часть своих судов на сушу, приблизительно на 7 километров дальше, за цепь, ограждавшую вход в гавань. В это время то ли вследствие измены, то ли благодаря случаю осажденные не успели зажечь эти суда, хотя этот план уже был бли-

зок к исполнению. Постепенно надвигаясь, османы уже могли начать штурм. Но перед его началом Мехмед предложил императору удалиться, обещая пощадить население. Константин отклонил эту капитуляцию как невозможную. Такой героизм доказывает, что последняя искра древнеримского духа еще не угасла тогда, и, как рассказывают, сам султан не мог удержаться от

Вооружение турецких воинов XV–XVI вв.

Слева представлены шлемы, богато украшенные травлением, позолотой и покрытые надписями — изречениями из Корана; верхний шлем — тип шишака, в XVI в. получивший широкое распространение по всей Европе. Справа — турецкий тяжеловооруженный воин, рисунок по доспеху, хранящемуся в Бернском историческом музее.

изумления и объявил, что никогда не поверил бы, что эти неверные собаки, гяуры, могут обладать таким героизмом и мужеством, — не поверил бы, если бы даже ему сообщили об этом 37 тысяч пророков! 27 мая приступ был объявлен турецким войскам на 29 число. 28 мая можно было со стен видеть все приготовления к штурму, слышать восторженные возгласы, которыми приветствовалась речь султана. Император тоже созвал своих вождей и приобрел с ними святых тайн в Софийском соборе. Приступ начался еще до полного рассвета. В продолжение двух часов велся нерешительный бой у самого опасного пункта, ворот святого Романа в середине западной стены. Во время третьего приступа турок, которых было в 50 раз больше, христиане стали слабеть, и когда раненый Джустиниани вынужден был покинуть свой пост, янычары ворвались в город. Но император не прекращал боя и скоро

пал, озаря славой и себя, и последние часы своего некогда великого государства. Труп Константина нашли только на следующий день. Город был взят еще до полудня, население искало спасения в храмах или на судах в гавани. Все, чего можно было ожидать после многомесячной осады города варварами, при их победе, разумеется, произошло. Число убитых на улицах приблизительно

Мечеть Баязида II в Стамбуле. Построена в 1498 г. По фотографии конца XIX в.

но равнялось лишь двум тысячам человек — цифра весьма умеренная в данных условиях; может быть, такой пощаде способствовала корысть солдат, которым султан предоставил всю добычу и всех пленных. Последнее сопротивление было оказано со стороны гавани, но в полдень 29 мая 1453 г. сам султан уже вступил в завоеванный город.

Таким образом, у христианства на многие века был отнят юго-восток Европы, и восточный вопрос вступил в новую фазу. Подобно тому, как уже однажды в VIII в., он теперь надолго становился вопросом о том, как далеко проникнет в Европу ислам, вторгшийся в нее на этот раз с юго-восточной стороны. Дело было, во всяком случае, не так опасно, как раньше, потому что европейская жизнь сильно развилась в течение семи столетий, прошедших со времени дней Тура и Херес-де-ла-Фронтеры, и западные государства могли утешаться

Господство турок. Восточный вопрос.

мыслью, что их общая коалиция составит достаточный отпор врагу. Но такой коалиции не получилось: европейскую жизнь разъедала рознь, стремление к обособлению высказывалось всеми нациями сильнее, чем когда-либо. Сознание европейской солидарности, совпадавшее прежде с чувством христианской или церковной общности, сильно ослабло. Обе державные силы, папство и

Медаль папы Пия II. Работа Андреа Гваццалотти. Париж. Нумизматический кабинет.

империя, ограничились в своих действиях против нового врага слабыми попытками и пустыми демонстрациями. На рейхстаге в Регенсбурге (1453 г.) Энеа-Сильвио в качестве императорского уполномоченного произнес длинную и хорошо обдуманную речь о необходимости и незатруднительности нового общего крестового похода. Не было недостатка и во влиятельных народных ораторах, говоривших о том же в воззваниях к народу. Но и папство, и императорская власть страдали истощением, своего рода старческой немощью, и ввиду разрозненности христианского мира ислам, твердо сплоченный и замкнутый, имел на своей стороне ощутимый, если не моральный, то значительный материальный перевес, обеспечивавший

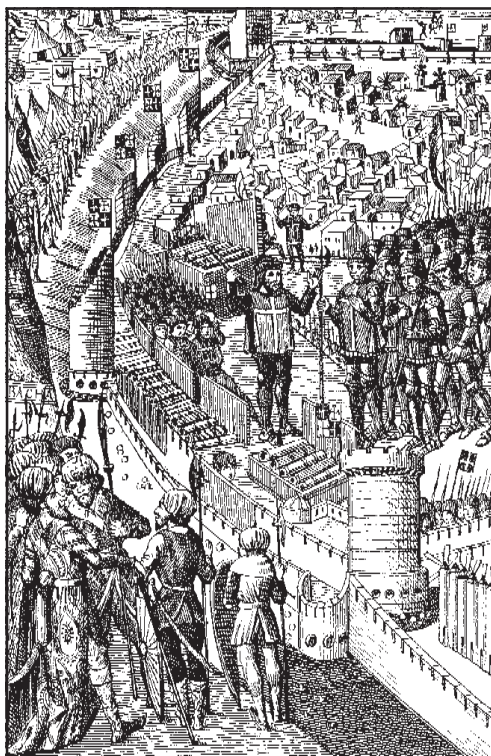
его укрепление на юго-востоке Европы. Междуусобицы и дворцовые перевороты временами могли ослаблять османское могущество, но в общем турецкий народ воодушевлялся одним ощущением и одним желанием. Религия — религия более обрядного характера, во всяком случае, весьма слабо способствующая глубоким душевным движениям, но исповедуемая с горячностью и суровым выполнением ее требований, — служила прочной связью для этого народа, сплоченного и без того уже всепроникающим военным деспотизмом и несложной организацией, обусловленной нуждами войны. Неспособность удерживать за собой с помощью плуга то, что было завоевано мечом, составлявшая впоследствии слабость этих варваров-победителей, была в первые времена источником их силы. Этот народ, не сроднившийся с землей, которую обрабатывали за него толпы безоружных рабов, обладал подвижной, всегда готовой к бою, постоянной армией, что давало ему огромный перевес над крайне неудовлетворительным еще состоянием военной части на Западе.

Попытки
к отраже-
нию. Обо-
рона Ро-
доса.

В течение последующих десятилетий турки постоянно двигались вперед, хотя христиане и одерживали временами некоторые славные победы. В 1459 г. превратилась в османскую провинцию *Сербия*, в 1462 г. была покорена *Валлахия*. После переменного военного счастья попало под турецкую власть и королевство *Босния* с соседними областями *Герцеговиной* и *Черногорией* (1464 г.), благодаря чему господство турок простерлось до Адриатики. В одной *Албании* удерживал еще свое родовое княжество *Георгий Кастриоти*, прозванный османами «*Скандербег*» или «*Искендер-бей*». В прежние времена, когда его отец вынужден был покориться туркам, Георгий был выдан Порте в качестве аманата вместе с двумя своими братьями и воспитан в магометанстве. Он затаил жгучую ненависть к победителям до той минуты, когда ему

удалось порвать свою рабскую цепь. Он бежал с 300 своих земляков, появился у себя на родине в 1444 г. и начал так успешно воевать с турками во главе своих воинственных горцев, получая иногда денежную помощь из церковного фонда на пользу крестоносцев, что сам Мехмед в 1461 г. предложил ему мир и дружбу и заключил мирный договор с Георгием, признавая его независимым владыкой Албании. Но в это время погибли последние остатки бывшего Римского государства: *деспотства* на *Пелопоннесе* и герцогство *Афинское*, последний памятник франкского владычества. Турецкий флот тоже не бездействовал: в 1462 г. *Лесбос*, важнейший из островов Эгейского моря, стал добычей османов. Положение почти не изменилось, когда Энеа-Сильвио, человек широких замыслов, достиг цели своих честолюбивых мечтаний и был избран папой под именем *Пия II*. Его бурное стремление к войне с врагами креста встретило лишь уклончивый отклик. Собор в Мантуе, на котором должен был быть провозглашен новый крестовый поход, дал папе повод произносить длинные речи, более для собственного, чем для чьего-либо удовольствия, но закончился все же словами и простыми обещаниями, на исполнение которых было мало надежд, потому что они касались денежной помощи. К этому пустому разглагольствованию относится и послание папы к турецкому султану: красноречивый папа-оратор старается обратить в христианство могучего воинственного владетеля, указывая ему на то, как возвеличит его малость крестильной

воды (*aquae rauchillum*). Пий умер в Анконе в 1464 г. во время военных приготовлений, предпринятых им совместно с венецианцами. Его преемник *Павел II* тоже достиг коалиции одних итальянских государей и правительств, как наиболее угнетаемых османами. Венеции пришлось одной вести войну за свои пелопоннесские и левантские владения. Эта война с переменным успехом продолжалась до 1479 г., когда султан и синьория заключили мир в

Пьер д'Обюссон воодушевляет защитников Родоса перед турецким штурмом.

Миниатюра из рукописи Гийома Гаурсена (1430–1501), вице-канцлера ордена госпитальеров на Родосе. Париж. Национальная библиотека.

Bagyazit et Zyzmi fratres more thurcorum cum nonnullis thurcis pugnantes

Бой между воинами Баязида II и Джема.
С гравюры на дереве из книги «Caorsini Obsidionis Rhodiae Urbis Descriptio»,
изданной в Ульме в 1496 г.

Константинополе. По этому миру Турция получала владения республики в *Морее* и на островах за исключением только острова *Эвбеи* (*Негропонта*) и *Скутари* на Адриатическом море. В Венецию прибыл султанский посол и вручил дожу Джованни Мочениго среди других подарков драгоценный пояс, имевший своеобразное символическое значение: в случае, если бы султан потребовал его обратно, дож должен был возвратить его немедленно и знать, что с этой минуты все договоры считались уничтоженными, потерявшими всякую силу. Республика, однако, успела отстоять некоторые свои торговые выгоды и право иметь собственного судью (*beilo*) для лиц своей национальности в *Стамбуле* — так теперь назывался Константинополь.

На протяжении этого времени Мехмед расширял свои владения и на азиатской стороне. *Трапезундская империя* была покорена в 1461 г.; малоазийская область *Караман* тоже досталась османам после ожесточенного сражения с туркменами (1473 г.); вся Малая Азия была теперь в их руках. Еще при Мехмеде великое азиатско-европейское государство простиралось уже от верховьев Тигра до Савы. Лишь одного места, в утешение христианству, не одолели еще великие силы: остров *Родос*, поступивший с 1309 г. во владение ордена иоаннитов, славно выдержал осаду в 1480 г. Турки выпустили против него 3,5 тысячи каменных ядер и наконец 28 июля решились на штурм. Они уже почти одерживали победу, на некоторых разрушенных стенах уже развевались турецкие знамена, но после двухчасового рукопашного боя защитники Родоса снова отбросили врага. Мехмед умер в следующем году (1481 г.). После его смерти «*res orientales*», как дипломаты того времени называли восточный вопрос, вступил в новую фазу, довольно благоприятную для христианских держав из-за междоусобицы, возникшей между сыновьями Мехмеда, *Баязидом II* и *Джемом*. Джем, побежденный братом, попал под покровительство европейцев, отправясь прежде всего на Родос. В 1489 г., интересуя своей личностью все державы, имевшие отношение к Османской империи, он посетил даже Рим и гостил в Ватикане у папы *Иннокентия VIII*. Такое положение сильно тревожило султана Баязида, и он с простодушием отправил папе послание (1494 г.), в котором приглашал его по возможности скорее освободить Джема от тягот сего мира и переселить его душу в лучший мир. Папой тогда был *Александр VI*, которому можно было предлагать подобное и который знал, как и что выполнять. За услугу предлагалась значительная сумма — 300 тысяч дукатов «на покупку какого-нибудь поместья сыновьями папы», и кроме того еще всякое добро. Османский принц превратился в настоящий товар, в предмет сбыта: Александр уступил его за 20 тысяч дукатов французскому королю *Карлу VIII* (1495 г.). По ходившим слухам, папа сбыл товар, уже предварительно попортив его: по крайней мере Джем вскоре умер в Неаполе, поступив во владение французского короля. В сущности, страх перед происками брата как-то подкосил энергию Баязида, и опасность, угрожавшая Европе со стороны турок, несколько ослабла в течение первых 14 лет его царствования, а политика европейских государств привыкла, между тем, считаться с османской властью на европейской территории как со свершившимся фактом.

Венгрия
и Чехия.

Король
Иржи.

После Италии, и в такой же мере, как ей, опасность грозила Венгрии, которой в этих обстоятельствах приходилось опираться исключительно на свои силы. С 1445 г. венгерским королем стал юный *Ладислав (Ласло)*, внук короля Сигизмунда, но он находился в руках немецкого короля Фридриха III, который его не выдавал. Лишь в 1453 г. хранитель государства Янош Хунья-

Печать Ласло VI, короля Венгрии.
Париж. Национальный архив.

ди успел принудить императора к этому, и юноша стал править государством. В 1457 г. Янош умер, а через несколько месяцев за ним последовал и 18-летний король, еще не успев вступить в брак с помолвленной с ним французской принцессой. Не было недостатка в претендентах на французский престол, даже на два, потому что со смертью Ладислава (Ласло) оставалась свободной и чешская корона. Верх одержала партия, которую можно назвать национальной, и венгерским королем был провозглашен сын Яноша *Матиаш*, по прозвищу *Корвин* (1458 г.). В Чехии выбор пал на бывшего наместника *Иржи Подебрада*, так что в обеих значительных странах достигли высшего сана и власти лица из простых

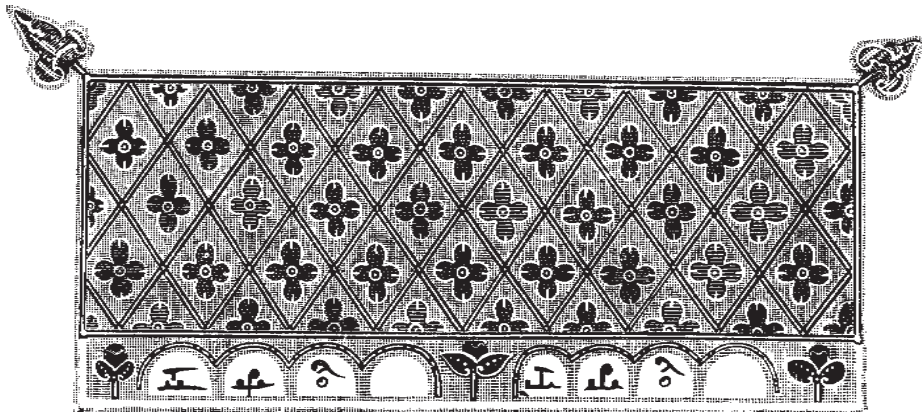
дворян. 15-летний венгерский король, юноша деятельный, одаренный государственным умом, справлялся с большими затруднениями: внутренними интригами, борьбой с императором и с турками; но когда наконец, в 1464 г. после примирения с императором Фридрихом он достиг священной короны и был увенчан ею по обычаю в Сехешфехерваре, то обратил свои честолюбивые замыслы против своего тестя, чешского короля Иржи Подебрада. Слияние Венгрии и Чехии под одним главенством могло осуществиться ввиду опасности, исходившей от турок. Этот план не удался, а наоборот, вовлек Матиаша после смерти Иржи в 1471 г. в столкновение с Польшей, потому что чехи выбрали королем польского князя, а партия недовольных в Венгрии выбрала другого, тоже польского, князя для себя, противопоставляя его Матиашу. Все это привело к войне с Польшей, и Матиаш все время своего правления, до самой смерти в 1490 г., провел то воюя, то заключая мирные договоры с Польшей, Чехией, османами, императором, не оставив правоспособных наследников. Его корона, на которую было много претендентов, досталась чешскому королю *Владиславу*, и, ввиду опасности, исходившей от турок, соединение Чехии и Венгрии под одной властью было счастьем.

Положе-
ние в
Чехии.

Что касается *Чехии*, то главным моментом ее судьбы в эту эпоху был религиозный вопрос. Как уже было сказано, табориты были побеждены (1434 г.), но партия утраквистов¹ крепко держалась за свои права и базельские компактаты, которые ей приходилось беречь от княжеских и папских посягательств

¹ Утраквист — принимающий причастие под обоими видами (хлеба и вина).

и подкопов. После смерти Сигизмунда в 1437 г. католической партией был избран его зять Альбрехт Австрийский, а гуситами — 13-летний польский князь. Когда Альбрехт умер, состоялось оглашение в пользу его сына *Ладислава (Постума)*, родившегося после кончины отца, опекуном вызвался быть император Фридрих III. Правление представляло собой разновидность комп-

Заставка из чешской рукописной псалтыри XV в.

ромисса между партиями: страной правили два наместника, один из каликстинской, другой из католической партии. Замечательнейшим из них был тот дворянин, который занял наместнический пост с 1444 г., принадлежа к каликстинцам, вышеназванный Иржи Подебрад. Он пошел дальше по пути, проложенному компактатами, выказывая разумную политическую сдержанность, и старался вновь соединить нацию, сдерживая крайние элементы. С 1450 г. он один остался наместником.

Между тем в церкви восторжествовала реакция. Папа *Николай V* (1447–1455) правил в прежнем духе, и ему, как и всей его партии, церковная обособленность Чехии мешала. Молодой король Ладислав, начавший править в роковом 1453 г., был тоже горячо настроен в пользу католицизма. Когда он умер после кратковременного царствования, не успев вникнуть в дела Чехии, королем был избран бывший наместник *Иржи Подебрад*. Он правил страной в духе, усвоенном им прежде и служившем к ее благу. При своем короновании он присягнул на верность церкви и папе, но поставил условие соблюдать компактаты. Уравнять всех перед правительством было славной попыткой: наступали времена, в которые это должно было стать в Европе государственной задачей. Великий «выскачка» встретился на первых порах с сопротивлением курии, к которой вернулось ее прежнее высокомерие. Оно воплощалось в увенчанном поэте, красноречивом и довольно легковесном юристе-богослове и карьеристе Энеа-Сильвио, достигшем папства в 1458 г. Этот Пий II объявил компактаты недействительными. Его преемник Павел II приговорил Иржи к низложению и даже дошел до мысли о крестовом походе против

Правление короля Иржи. Трения с папским престолом.

него. Смелый, честолюбивый замысел Иржи о достижении римской короны, — замысел не безумный при ничтожестве Фридриха III и продажности немецких князей, — не имел успеха, но в Чехии Иржи сохранил свою власть неприкосновенной до самой смерти (1471 г.). Даже благодаря упорядочению своих финансов и прекрасно организованным военным силам он пользовался в

*Развалины Тракайского замка, любимой резиденции Гедимина.
По фотографии конца XIX в.*

продолжение всего своего царствования ролью третейского судьи среди бесконечных споров немецких городов и князей между собой.

**Король
Владислав.**

Компактаты оставались в силе и при вновь избранном — но не одобренным папой короле — польском князе *Владиславе II*, и даже остатки таборитов, отделившихся от церкви под именем «чешских братьев» и возбуждавших иногда против себя новые гонения из-за своего возросшего числа, жили спокойно при его правлении: в 1504 г. и он сам примкнул к их вероисповеданию. В 1485 г. на сейме в Кутной-Горе он установил религиозный мир, по которому и каликстинцы, и католики сохраняли свои имущественные права. Соседние с Чехией земли: *Силезия, Моравия и Лужица*, — которыми завладел венгерский король Матиаш, после его смерти вновь были присоединены к Чехии. Состоя королем Венгрии и Чехии, Владислав умер в 1516 г.

Из предшествующего очерка видно, с какими усилиями удалось московским князьям в XIV в. в такой степени сплотить около нового центра — *Москвы* — почти всю северо-восточную Русь, что даже открытая борьба с татарской Ордой стала уже возможна. Но видно также, что не вся северо-восточная Русь в течение XIV в. вошла в состав Московского великого княжества и что оно, готовясь к решительной борьбе с татарами, в то же время должно было вести постоянную борьбу и с соседними русскими княжествами — *Тверским, Рязанским и Смоленским*, отстаивавшими свою независимость. К тому же случилось так, что на северо-западной границе Руси в конце XIII и начале XIV в. в соседнем *Литовском княжестве* появился целый ряд воинственных и талантливых князей, которые сумели превосходно воспользоваться тяготевшим над Русью татарским игом и стали постепенно захватывать одну область за другой, пользуясь то раздорами русских князей, то оплошностью татарских ханов, которые не придавали особого значения утрате той или другой небольшой области или города, из сферы их влияния переходивших в сферу влияния литовских князей, которые притом старались ладить с Ордой и искусно избегали открытого столкновения с ней. Таким образом при князе *Гедимине* Литва без борьбы присоединила к себе *Витебскую* область и подчинила своему влиянию *Волинь*. При его сыне *Ольгерде* (*Альгирдасе*) (1345–1377) к Литве отошли *Киевское, Черниговское и Новгород-Северское* княжества, отделенные от Москвы независимыми *Тверским и Рязанским* княжествами и более тяготевшие к Галицкому княжеству, которым в это время уже владела Польша. К середине XIV в. небольшое Литовское княжество, в XII в. занимавшее лесистую и болотистую область в верховьях Немана и его притоков, вдруг раскинулось вширь и вдаль, с одной стороны до пределов Новгородской земли, Тверского и Смоленского княжеств, с другой — до берегов Ворсклы и низовьев Днепра, включив в свои пределы лучшие и плодороднейшие области древней Руси. Такие быстрые успехи литовских князей в значительной степени объяснялись тонкой политикой литовских князей по отношению к русским областям, которые почти добровольно, без упорной борьбы, подчинялись им только потому, что силой исторических обстоятельств были остановлены в своем стремлении к естественным центрам. При этом литовские князья, оставаясь язычниками, управляли русскими областями чрезвычайно разумно: не теснили православия, всюду оставляли местные порядки, не касались местных законов и обычаев. При *Ольгерде* число русских подданных в Литовском княжестве уже превышало число коренных литовцев, и это преобладание более развитого и более способного русского племени оказывало на литовцев бла-

Литва и
Русь.
Гедимин
и Оль-
герд.

Герб Литвы в XV в. С фрески в Краковском соборе.

готовное влияние: их дикие нравы смягчились, православие и гражданственность делали быстрые успехи, а русский язык на всем пространстве Литовского княжества становился государственным. Сам Ольгерд ревностно заботился о поддержании русского влияния в Литве и оказывал покровительство своим русским подданным, сознавая в них силу, на которую мог опираться в

Витовт под Смоленском. Миниатюра из Лицевого летописного свода. Второй Остермановский том.

борьбе с Польшей и с Тевтонским орденом. И несмотря на то, что Ольгерд, как хитрый политик, то отстаивал Смоленск в его борьбе с Москвою, то помогал тверским князьям против Москвы, он сам не уклонялся от русского влияния даже в своей семье: обе его жены были из русских княжон, а многие из его сыновей были крещены в православную веру и женаты на православных. Судя по всему ходу дел, можно было и тогда уже ожидать, что оба племени — русское и литовское, уживавшиеся под властью умных и талантливых князей, со временем сольются в один могущественный народ. Но исторические судьбы сложились иначе: в дела быстровозрастающей и крепнущей Литвы вмешалась соседняя Польша, и недавним, благотворным успехам русского влияния в Литве вскоре был положен конец со стороны католичества, которое уже издавна пыталось включить Литву в сферу

своего влияния, ведя миссионерскую деятельность с польской территории и из земель Ливонского ордена.

Старший сын Ольгерда, **Ягайло** (1377–1434), при помощи разных ухищрений и насилий разогнал всех своих братьев и убил родного дядю *Кейстута*, который всю жизнь был усердным помощником Ольгерда и грозой тевтонских рыцарей. В то время, когда он таким образом захватил власть над Литвой в свои руки, ему представился случай разом достигнуть высокого и блестящего положения. Соседнее Польское королевство, ослабленное внутренними раздорами и неурядицами, досталось в это время в наследство дочери венгер-

Ягайло.
1377–
1434 гг.

ского короля Лайоша *Ядвиге*. За Ядвигу стали свататься многие женихи, которым очень хотелось получить из ее рук польскую корону. Но польские паны и католическое духовенство, очень сильное в Польше, остановили свое внимание на литовском князе-язычнике как на самом подходящем женихе для Ядвиги. Это предпочтение Ягайлы другим искателям было вызвано тем, что Польшу, значительно ослабленную борьбой с немцами, было выгодно соединить с могущественной Литвой. Польское духовенство и польские вельможи с завистью смотрели на обширные и плодотворные земли Волыни, Подолии и Украины, которые так легко было прибрать к рукам, вводя в крае новую веру, новые порядки и обычаи. Ягайло торжественно крестился в Кракове, а затем 18 февраля 1386 г. сочетался браком с Ядвигой, из рук которой и принял польскую корону. С этой поры Литва надолго соединила свою судьбу с судьбой Польши, и сближение ее с Русью стало возможно только через три с половиной века после упорной и жестокой борьбы.

В какой степени тесна была близость и связь русского и литовского элементов в Литовском княжестве, видно из того, что, когда после коронования Ягайлы польской короной поляки стали хозяйничать в Литве, а католическое духовенство насильно обращать население в католичество, не разбирая язычников от православных, все население Литовского княжества быстро перешло к открытому восстанию. У восстания нашелся и вождь — искусный и опасный для Ягайлы его двоюродный брат *Витовт*, сын Кейстута. Завязалась борьба между Витовтом и Ягайлой, и длилась так долго, и велась так упорно, что Ягайло, прискучив усобицей, согласился принять Витовта в соправители: он уступил ему Литву в пожизненное владение с титулом *литовского великого князя*.

Слияние
Литвы и
Польши.

Витовт (1392–1415) во время своего княжения показал себя достойным своего дяди Ольгерда и деда Гедимина. Заручившись родственными связями с московским князем *Василием Дмитриевичем*, который был женат на дочери Витовта, он нанес страшный удар тевтонскому Ордену в *Грюнвальдской битве*¹, где все рыцарское войско было уничтожено и сам гроссмейстер Ордена убит. Затем военное могущество и значение Витовта по отношению к соседним странам возросло до такой степени, что он, не воюя с Русью, мог присоединить к своим владениям и *Смоленск* (1395 г.), князя которого, ослабленные раздорами, не хотели подчиниться Москве и не могли противиться Витовту. Но польские вельможи и духовенство сумели опутать и этого умного и могущественного князя настолько, что он решился отступить от традиций своих предшественников и по *Городельскому договору* (1413 г.) дал окончательный перевес католичеству и польской народности над православием и русской народностью в областях Литовского княжества. По этому злосчастному договору в управление Литовским княжеством были внесены польские порядки и обычаи, а той части дворянства, которая перешла в католичество, были даны все права и преимущества польской шляхты. Такая явная несправедли-

Витовт.
1392–
1415 гг.

¹ В Грюнвальдской или Танненбергской битве победой над рыцарями Витовт и Ягайло были обязаны чрезвычайной стойкости и мужеству русских (смоленских) полков.

вость побудила к выселению из Литвы на Русь многих родовитых литовских вельмож и князей (даже родственников Витовта), не желавших изменить православию и находивших себе весьма радушный прием у великих московских князей.

Учрежде-
ние Ки-
евской
митропо-
лии.

В последние годы жизни Витовт осознал свою ошибку и старался всячески исправить ее. С одной стороны, он задумал обеспечить своих русских подданных от насилий католического духовенства, а с другой стороны —

поставить их в самостоятельное положение по отношению к Москве. С этой целью он решил отделить литовско-русские области в церковном отношении от Московской митрополии и дать им своего, особого церковного главу. Он ходатайствовал об этом у константинопольского патриарха, от которого тогда зависела вся русская православная церковь. Но патриарх не согласился назначить особого митрополита для западно-русских областей. Тогда Витовт, разгневанный отказом, собрал на собор западно-русских епископов и приказал им избрать и поставить митрополитом в Киеве ученого болгарина *Григория Цамвлака* (1415 г.). Вскоре после этого Витовт и умер, никем

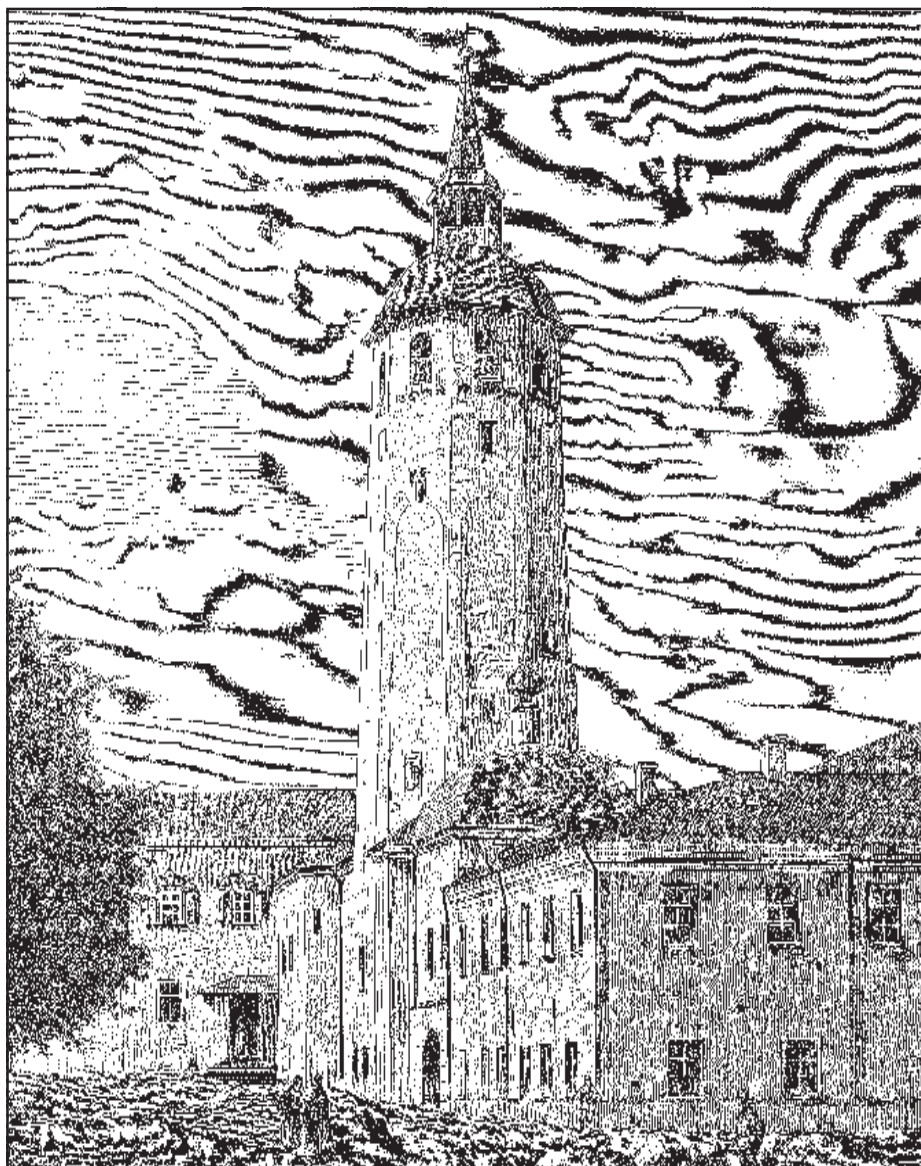

Печати (вверху) Василия I Дмитриевича (1389–1425) и (внизу) Василия II Васильевича Темного (1425–1462).

не оплакиваемый, потому что своей неверной и двойственной политикой сумел оттолкнуть от себя и русских, и литовских подданных. После смерти Витовта Литва перешла во власть Ягайлы и утратила самостоятельное политическое значение, так что в течение последующих трех с половиной веков она выступала в истории в тесной связи с Польшей, хотя временами и управлялась отдельными князьями.

Василий I
и Васи-
лий II
Темный.

Это довольно пространное отступление было необходимо при обзоре русской истории для того, чтобы дать понятие об истинном значении той долгой и тяжелой внутренней политической переработки, которой должны были подвергнуться разрозненные и слабые княжества северо-восточной Руси, прежде чем обратились в сильное и единое *Московское княжество*, которое, с одной стороны, могло уже тягаться с Ордой и ожидать от нее не нашествия, а набегов и опустошений; а с другой стороны — готовилось притянуть к себе все остальные русские земли, еще не захваченные Литвой, чтобы собрать их в могущественное Московское государство. Но прежде чем все русские княжества и земли были собраны воедино, под властью московских князей, прошло немало времени, потребовалось немало внутренней борьбы и усилий... Дмитрию Ивановичу Донскому наследовал его сын *Василий I Дмитриевич*

*Башня архиепископа Евфимия в Новгороде. По фотографии конца XIX в.
Рядом с ней — Сергиевская церковь и бывшие палаты архиепископа. На башне — старейшие в России
башенные часы. Построена при Василии II.*

(1389–1425), князь, который при жизни отца был ему соправителем, а поэтому опытный в делах внутреннего управления и во внешних отношениях с соседними правителями. Он и с Ордой умел ладить, то выплачивая ей дань, то довольствуя ханов небольшими подарками; и от своего тестя, Витовта Литовского, сумел уберечь угрожаемые им новгородские и псковские области. Но

Клобуки новгородских архиепископов XV в.

когда его сын *Василий II Васильевич Темный* (1425–1462) вступил на великокняжеский престол в 10-летнем возрасте, его младенчеством воспользовался родной дядя *Юрий* со своими мятежными сыновьями, *Василием Косым* и *Дмитрием Шемякой*, и стал оспаривать у племянника права на великокняжеское достоинство.

Послед-
ние
между-
усобия.

Началась жестокая, упорная, полная трагических и кровавых эпизодов, напоминающих борьбу Ланкастерского дома с Йоркским, борьба. Она длилась 20 лет, но была последней борьбой родового начала с наследственным и совершенно ясно показала, что Московская Русь XV в. уже не походила на удельную Русь XII и XIII вв. Общая потребность во внутренней тишине, мире и порядке, которая не всеми в это время сознавалась и в Германии, была уже настолько сильна в Московской Руси в середине XV в., что все сословия: боярство, духовенство и народ, — оказались на стороне законной, династической власти и отстаивали права *Василия II* против несправедливых притязаний его родни. Не только в Московском княжестве, но и в не зависящем от него Тверском княжестве уже в такой степени ясно сознавалось значение Москвы как общерусского связующего центра, что тверской князь сам предложил свои войска в помощь московскому князю против его двоюродных братьев. Благодаря всем этим условиям *Василий II* победоносно выдержал долгую междоусобную борьбу и, утвердившись на престоле, все последние двенадцать лет княжения провел спокойно, заботясь исключительно о внутреннем устройстве Московского княжества.

Флорен-
тийский
собор.
Отвер-
жение
Унии.

Важной заслугой *Василия II* была та непоколебимая твердость, с которой он встретил происки папства, как раз в это время возобновившего свои попытки воссоединения восточной и западной церквей. Грек *Исидор*, незадолго перед тем поставленный в московские митрополиты константинопольским патриархом, задумал ехать в Италию для участия на соборе, созванном во Флоренции (1439 г.), с целью воссоединения церквей. Великий князь *Василий* долго противился этой поездке *Исидора* и наконец сказал ему в напутствие: «Смотри же, приноси к нам древнее благочестие, как мы его приняли от *Владимира*; а нового, чужого, не приноси — мы не примем». *Исидор* притворно обещал стоять за православие, но на соборе беспрекословно подписал грамоту о соединении русской церкви с западной церковью и даже признал главенство папы. Когда же по возвращении в Москву он дерзнул на литургии вместо восточных патриархов помянуть папу, а после литургии задумал чи-

тать народу грамоту о состоявшемся будто бы воссоединении церквей, великий князь приказал посадить его под стражу и, как отступника, предать церковному суду. К счастью для Исидора, он успел во время суда бежать из заточения и избежать предназначенной ему кары. После свержения Исидора в митрополиты «Московские и всея Руси» был избран рязанский епископ *Иона* и поставлен собором русских епископов. С той поры (1447 г.) московские митрополиты уже постоянно «поставлялись» на Руси, а не ездили за этим в Константинополь, который пять лет спустя уже был во власти турок, причем и сам константинопольский патриарх оказался в весьма приниженном и зависимом от султана положении. Именно с 1447 г. и наступает начало долгого и упорного разъединения русского Востока и европейского Запада. Это разъединение, обусловленное желанием сохранить в полной чистоте свою веру как драгоценнейшее начало русской народности, способствовало отчуждению Руси от блестящего и быстрого прогресса, по пути которого двинулась Европа с конца XV в., и несомненно замедлило ход ее просвещения и научной образованности. С другой стороны, это разъединение с Западом дало возможность Руси окрепнуть в своем самостоятельном росте и в высшей степени развить те национальные особенности, которые два-три века спустя дали ей возможность выступить на поприще европейской истории в качестве самостоятельной, независимой ни от кого державы.

После смерти Василия II Темного на престол московских великих князей вступил его сын *Иван III Васильевич* (1462–1505), человек обширного и тонкого ума и железной воли — один из замечательнейших русских государей. В начале княжения он только заканчивал то, что так постепенно и осторожно подготавливали его умные, дальновидные и деятельные предки, но затем повернул на новый политический путь, следуя которому, сильное княжество Московское при ближайших преемниках Ивана III обратилось в могущественное Московское государство.

Прежде всего Иван III вмешался во внутренние дела *Новгорода*, который еще со времен Симеона Гордого временами вынуждал московских князей к вооруженному вмешательству в свое крайне запутанное, беспокойное и неус-

Иван III. Гравюра из книги французского географа Теве 1575 г., изданной в Париже.

**Иван III.
1462—
1505 гг.**

**Подчинение
Новгорода.**

тойчивое управление. И действительно, пользуясь своим удобным положением на краю русской земли, богатый и многолюдный Новгород, приобретавший огромные выгоды от торговых отношений с Западом и со всей Литвой и Русью, сумел до XV в. отстоять свою самостоятельность и независимость от всех соседних княжеств, сохранил древние, отчасти уже отжившие свой век формы *вечевого устройства*, распространил свои владения от берегов Вол-

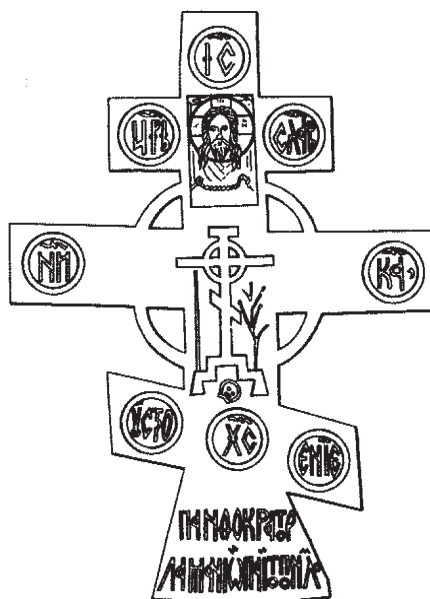
Упразднение новгородского веча; жезл — эмблема веча. Миниатюра из Лицевого летописного свода. Лаптевский том.

хова до берегов Белого моря с одной стороны, и до Перми, Вятки и Урала — с другой. Эти обширные владения были заселены богатыми и сильными новгородскими колониями, которые все тянули к своей метрополии, доставляя ей обильные источники доходов от своих промыслов и даней, собираемых с инородцев, высылая свои дружины для пополнения новгородского ополчения в случае грозившей Новгороду опасности. Ганзейские торговые конторы издавна вели с Новгородом оживленный и обширный торг, и сами новгородцы древним «Варяжским путем» высылали за море свои корабли с товарами, пренебрегая препятствиями, которые старались положить на этом пути шведы, финны или тевтонские рыцари. Обладая огромными богатствами, тесно связанный дружбой с «младшим братом своим, Псковом», и то успешно воюя с соседями, то искусно лавируя между ними путем вся-

ких политических уловок и компромиссов, Новгород смело мог создать пословицу: «Кто против Бога и Великого Новгорода!» — и недаром его начальные люди писали в грамотах и говорили в посольствах от имени «Господина Великого Новгорода». Пока Москва поднималась, крепла и постепенно развивала свое могущество, пока она выбивалась из-под тяжелого гнета Орды и «собирала» исподволь русскую землю — ей неудобно было слишком настойчиво вступаться в новгородские дела, и она довольствовалась тем, что понемногу ослабляла Новгород, то захватывая некоторую долю его земель, то взимая с новгородцев тяжкие окупы, которые те охотно уплачивали, лишь бы избавиться от войны с Москвой. Но когда Москва вполне окрепла и, обеспечив себя до некоторой степени со стороны Орды, собрала около себя все, что могла собрать из земель Восточной Руси, когда, с другой стороны, выросло могущественное Литовское княжество и слилось с католической Польшей —

положение Новгорода совершенно изменилось. «Господин Великий Новгород» стал заманчивой целью для двух равных и грозных держав, и одна из них должна была неминуемо предъявить на него свои права. И действительно, в Новгороде, полном всяких неурядиц, смут и раздоров, полном ожесточенной вражды бедных классов с богатыми, уже с середины XV в. во главе правления видны две постоянно борющиеся партии — *московская* и *литовская*.

Литовская партия, во главе которой стояли богатые и влиятельные бояре Борецкие и их мать, знаменитая *Марфа Посадница* (т. е. жена посадника), сначала добилась того, что пригласила себе князя из Литвы, без ведома московского князя, затем пыталась поднять вопрос об отмене церковной зависимости Новгорода от Москвы и выставляла на вид выгоды подчинения новгородского архиепископа киевскому митрополиту, и наконец дошла даже до такой смелости, что прямо подняла на вече вопрос о посольстве к великому князю Литовскому с просьбой принять новгородцев в подданство. Такое своеволие господствующей партии показалось невыносимым не только всем разумным новгородцам, но и псковитянам. Многие побежали из Новгорода в Москву просить защиты великого князя, и Иван III тотчас решился действовать. Он собрал большую московскую рать, к которой присоединились союзное тверское ополчение и даже псковитяне, и двинул ее к Новгороду (в июле 1471 г.). При войске великого князя находился отличный знаток древних русских летописей, дьяк *Бородатый*, для уличения новгородцев. Дважды разбитые воеводами великого князя, новгородцы вынуждены были покориться. Один из Борецких и некоторые другие бояре были казнены. Новгороду временно было оставлено его внутреннее устройство, но он был связан строгим договором, по которому обязался не подчиняться Литве и поставлять архиепископов исключительно в Москве. Сверх того, с Новгорода надлежало взять тяжкий откуп и к владениям великого князя Московского были присоединены богатейшие новгородские колонии на Северной Двине и побережьях Белого моря. Но на этом дело не кончилось. Иван III, последовательный во всем, ничего не любил делать наполовину: участь Новгорода, уже давно им решенная, завершилась 6 лет спустя, когда великий князь Московский привязался к мелочному, а возможно, даже предумышленному изменению его титула в отношениях Новгорода с Москвой и потребовал объяснений. Когда объяс-

Крест мастера Серотина.
Новгород. XV в.

нения, как и следовало ожидать, были даны неудовлетворительные, в подтверждение требований великого князя явилось сильное войско. Новгородцы не смели и думать о сопротивлении и в январе 1478 г. покорились Ивану на «всей его воле». Иван потребовал уничтожения веча и древнего новгородского устройства. По его приказанию был снят вечевой колокол и отвезен в

Москву. Управление Новгородом было поручено великокняжескому наместнику. Важнейших новгородских бояр он перевел на службу в Москву, а богатейших граждан выселил в другие города Московского княжества. На их место в Новгород были присланы новые поселенцы. Все владения Новгорода вошли в состав Московского княжества. Новгород потерял всякое значение и сравнялся со всеми московскими городами.

За Новгородом наступила очередь остальных немногих, еще независимых княжеств. Все они, последовательно и постепенно, покоряясь закону исторической необходимости, приносящей слабого в жертву сильному, сливались с Москвой. Слияния эти происходили вследствие различных условий и соглашений: одни из князей добровольно (как, например, князь Рязанский) предоставляли свое княжество Ивану, поручая ему опеку над своими детьми. Другие просто продавали свои княжества и по-

Слия-
ние ос-
таль-
ных
уделов
с Моск-
вой.

Сооружение тверских укреплений. Миниатюра из Лицевого летописного свода. Второй Остермановский том.

ступали на службу к московскому князю. Третьи обеспечивали себе спокойное пожизненное владение княжеством, завещая его Ивану III после своей смерти. Ввиду этого Иван заключил со своими братьями такое соглашение, что в случае их бездетности единственным наследником их уделов мог быть только он, великий князь¹. Дольше всех остальных князей сохранил свою независимость *тверской князь Михаил* из-за близких родственных отношений к Ивану III (он был в первом браке женат на родной сестре князя Тверского). Но при быстром возрастании могущества Москвы независимое существование маленькой и слабой Твери уже было немыслимо. Надо было во что бы то ни стало склониться на ту или другую сторону: примкнуть либо

¹ Он вообще присвоил великому князю право наследования выморочных уделов.

к Литве, либо к Москве, владениями которых Тверское княжество было охвачено отовсюду. Но хитрый Иван уже обеспечил себя на всякий случай договором, по которому его шурин обязался не входить «ни в какие отношения с Литвой без ведома и соглашения великого князя». При первом нарушении этого договора Иван явился с сильным войском под стенами Твери и, вынудив Михаила бежать в Литву, навсегда присоединил Тверское княжество к Москве (1485 г.).

Такому окончательному округлению владений великого князя Московского предшествовали два важных события, оказавших влияние на всю дальнейшую историческую судьбу русской земли. Первым из них была вторая женитьба Ивана Васильевича на греческой царевне, *Софье Фоминичне Палеолог*, племяннице последнего из византийских императоров. Этому браку в значительной степени способствовал римский папа, который даже присоединил к посольству, сопровождавшему царевну в Москву, своего легата и поручил ему еще раз попытаться склонить московского князя к соединению церквей. Но эти надежды оказались тщетными: митрополит Московский даже не позволил легату торжественно въехать в Москву, а когда тот задумал вступить с русским духовенством в прения о вере, митрополит выставил против него некоего Никиту Поповича — искусного книжника — который своими доводами вынудил легата отказаться от спора. Брак с византийской царевной значительно повлиял на Ивана III. Царевна оказалась женщиной гордой, умной и притом обладавшей весьма твердым характером. Под ее несомненным влиянием Иван стал отдаляться от вельмож и князей, ввел наподобие византийского двора строгое чинопочинение и сложную обрядность среди московских царедворцев и окружил себя блеском и великолепием. По его повелению древний герб Московского княжества (святой Георгий на коне, поражающий дракона) был соединен с гербом Византийской империи (*черным двуглавым орлом*), дабы показать всем, что великий князь Московский, вступив в супружество с последней царевной из рода византийских императоров, становился наследником их славы и главной опорой православия.

Брак с
Византий-
ской ца-
ревной.

Постройка кремлевской стены в Москве.
Миниатюра из Лицевого летописного свода.
Шумиловский том.

Под непосредственным влиянием Софьи Фоминишны произошло и другое важное событие — окончательное свержение татарского ига. Хотя татарская Орда со времен страшного погрома нанесенного ей Тамерланом, уже не возвращалась к своему прежнему грозному могуществу; хотя раздоры, начавшиеся в ней в самом начале XV в., довели ее до весьма большого истощения

Оконча-
тельное
сверже-
ние та-
тарского
ига.

«Стояние» на реке Угре в 1480 г. Второй
Остермановский том.

сил и уже при отце Ивана III побудили к распадению, однако осторожный князь Московский, занятый тщательным собиранием русской земли, предпочитал пока поддерживать с татарами прежние отношения, более всего опасаясь помехи с их стороны в выполнении великой задачи. В этих видах могущественный московский князь не переставал платить небольшую ежегодную дань ханам Золотой орды и даже не гнушался соблюдать старинный обычай вассального преклонения перед ханским изображением (или басмой), с которым ежегодно являлись в Москву ханские посланцы, приезжавшие за данью. Но, закончив собирание русской земли, Иван тотчас обратился к решению вопроса об отношениях к татарам, в середине XV в. выселившимся из Орды в *Крым* и осевшим в *Казани*. Прежде всего Иван воспользовался случаем для вмешательства в раздоры сыновей казанского хана *Махмута*, некоторым из них предложил свою помощь и убежище в Москве. Войска московского князя неоднократно подступали под

самые стены Казани, сажали и сменяли в ней ханов и таким образом поставили их в полную зависимость от великого князя Московского. Совсем иной политики держался Иван III по отношению к Крымской орде, ханы которой питали родовую непримиримую ненависть к ханам Золотой орды. Иван III вступил с крымским ханом *Менгли-Гиреем* в тесную дружбу и союз и предложил ему заодно действовать против Золотой орды. И только обеспечив себя этим союзом, только подчинив Казань своему влиянию, Иван III решился открыть действия против Орды. В 1480 г. послы хана *Ахмата* были приняты в Москве весьма недружелюбно: великий князь Московский отказался от обычного поклонения и от платежа дани Орде и отпустил послов без подар-

ков. Когда же Ахмат с многочисленным войском подступил к пределам Руси, то увидел, что все переправы через Оку заняты сильной московской ратью, готовой к бою. Желая перехитрить московского князя, Ахмат думал вторгнуться в Русь со стороны литовских владений и быстрым обходом перекинул свои полчища на берег *реки Угры*. Но и здесь ему преграждали путь княжеские полки, которые, не вступая с ним в бой, спокойно выжидали натиска татар. Ахмат не решился нападать первый, и оба войска долго стояли друг против друга в полном бездействии. С наступлением зимы татары отступили от Угры и ушли в свои зимовья. Вскоре после этого Ахмат был убит в Орде, и его сыновья вступили в долгую и упорную борьбу с Крымом. Эта борьба закончилась тем, что Менгли-Гирей при помощи московского князя нанес окончательное поражение Золотой орде, разорил Сарай, столицу Орды, и последнего ее хана вынудил бежать в Польшу.

Когда Иван отделался от своего исконного врага и почувствовал себя «*государем всея Руси*» (так он стал писать свой титул в грамотах), он обратил взор и на Запад, на те русские области, которые в это время уже не пользовались прежним льготным положением под властью литовских князей, а страдали от бесцеремонной и насильственной пропаганды католицизма. Вследствие этого многие мелкие пограничные князья, потомки прежних удельных, охотно переходили обратно от литовского князя в подданство и службу к московскому князю. Эти переходы должны были вызывать пограничные споры, и наконец привели к войне Ивана с польским королем *Казимиром*. Но война на этот раз была прекращена в самом начале (*Казимир умер*), и мир между Москвой и Литвой был прочно закреплен бракосочетанием дочери Ивана III Елены с литовским князем *Александром*. Но это не помогло. Притеснение православных и переходы православных вельмож из Литвы на Русь возобновились, и война разразилась снова, причем литовский князь терпел от своего тестя поражение за поражением, несмотря на довольно успешные действия союзника Литвы, магистра Ливонского ордена, Плеттенберга. Вынужденный к перемирию, Александр признал право Ивана на владения перешедших к нему дворян и даже титул государя «*всея Руси*», особенно неприятный для литовского князя, у которого было много русских подданных.

Эта постоянная, неутомимая и неусыпная деятельность, эта непрерывная внутренняя и внешняя борьба, это неуклонное стремление к выполнению определенного широкого политического плана не мешали Ивану III в заботах о внутреннем устройстве его обширного государства. Ввиду этого, стараясь придать один общий государственный строй всем областям, вошедшим в состав Московской Руси, он подчинил их одному общему закону, который сглаживал все местные обычаи. Именно в этом смысле замечательным юридическим памятником эпохи стал «*Судебник*» Ивана III, составленный по его поручению дьяком Гусевым. По этому «*Судебнику*» право суда в отдельных областях было предоставлено великокняжеским наместникам. Назначенный ими судья не мог судить один, при суде должны были присутствовать княжий чиновник и выборные из «лучших» людей. Судьи получали за решение дел определенную судебную пошлину. Когда суд из-за недостатка улик не мог

Борьба с
Литвой.

Заботы
о внут-
реннем
устрой-
стве. Су-
дебник.

решить дело по закону, тяжущимся сторонам предоставлялось право решить дело *судебным поединком* (*судом Божьим*). Согласно суровому характеру времени смертная казнь назначалась за все уголовные преступления и даже за двукратное воровство (т. е. за рецидивизм). Вообще же за преступления против собственности судебник налагал телесные наказания кнутом на торгу. Важные и полезные изменения, значительно расширявшие права женщины, были внесены Судебником и в законы о наследстве.

Отноше-
ния с
Запад-
ной Ев-
ропой.

Иван III был первым из московских государей, возобновившим отношения с Европой. К этому его побудила не только супруга, желавшая внести как можно больше блеска и великолепия в простую до того времени жизнь великих московских князей, побудило его и собственное сознание необходимости воспользоваться теми результатами европейской жизни и прогресса, о которых доходили слухи и до отдаленной, забытой Европой Московской Руси. В 1474 г. в Венецию был отправлен послом *Семен Толбузин*, в переводчики которому был дан живший в Москве иностранец *Антоний Фрязин*. Ему было поручено пригласить в Москву различных мастеров и художников: зодчих, литейщиков, оружейников, пушкарей, инженеров, чеканщиков, каменщиков, резчиков, рудокопов и врачей. В числе других приглашенных в Москву иноземцев приехал и талантливый зодчий, болонец *Аристотель Фиораванти*. В 1479 г. им был закончен московский *Успенский собор* (по образцу владимирского Успенского собора). После этого были построены *Благовещенский* и *Архангельский соборы*; в 1491 г. другими иноземными зодчими достроена *Грановитая палата*; заложен обширный теремной дворец, и в 1492 г. закончено строение стен и башен московского *Кремля*, начатое Антонием Фрязином. В то же время приезжие итальянцы, подобно всем художникам эпохи Возрождения, удивительно разносторонние в своих технических сведениях, занимались и другим делом: отливали пушки, чеканили монету, учили русских людей обработке металлов и художествам. Следуя примеру Ивана, многие из вельмож и московский митрополит увлеклись строительной деятельностью и стали украшать Москву зданиями, достойными ее нового значения — столицы большого государства. Одновременно с попытками завязать такие чисто утилитарные отношения Московской Руси с Европой, со стороны Европы возобновились попытки восстановления прежних более тесных отношений с Русью. Такие попытки были прежде всего со стороны германского императора Фридриха III. Сначала, по его желанию, Москву посетил рыцарь *Попель*, рассказы которого, по справедливому замечанию одного русского историка, «открыли Россию Германии». В 1489 г. тот же рыцарь явился уже послом императора и завел переговоры о сватовстве сына императора Максимилиана за одну из дочерей великого князя; одновременно старались склонить Ивана и к совместным действиям против Польши. Из этого посольства, однако, ничего не вышло, т. к. Максимилиан вскоре после этого помирился с Польшей.

Последние
годы жиз-
ни Ивана.

Последние годы долгого и плодотворного правления Ивана были переполнены борьбой с *ересями*, развившимися под несомненным влиянием западных идей в Пскове и Новгороде и перешедшими потом в Москву. В то же время и в семье Ивана происходила жестокая борьба между его второй же-

ной, отстаивавшей права своего сына на престолонаследие, и невесткой, которая защищала права внука Ивана, уже назначенного наследником. Наконец Софья одолела, и *Василий* был утвержден в правах наследования, причем в завещании Ивана ему была дана власть, почти равная самодержавной: две трети важнейших и значительнейших городов и земель были оставлены ему, а остальная треть поделена между четырьмя другими сыновьями великого князя. При этом, по тому же завещанию, братья великого князя были подчинены ему и особым договором обязывались в случае смерти великого князя не искать великого княжения над его сыновьями. Другими словами: все их права на великое княжение, как права родового старшинства, были окончательно отменены, и всякая попытка искажения этих прав должна была быть наказуема как государственная измена. Внешним выражением усиления и распространения власти великого князя Московского должно было служить и то, что со времен Ивана право чеканить монету могло принадлежать только одному великому князю.

27 октября 1505 г. Иван III скончался, и на великокняжеский престол вступил его старший сын от брака с Софьей *Василий III Иванович* — государь умный и твердый, о котором придется говорить гораздо менее, нежели о его замечательном отце, т. к. все правление Василия III было не более чем продолжением предшествующего правления Ивана. Главным достоинством сына было то, что он явился настойчивым продолжателем и исполнителем предначертаний и начинаний отца.

Действительно, первым его делом было уничтожение последних остатков вечевого управления в *Пскове* (в 1510 г.), который также был лишен самостоятельности и самоуправления и сравнен с прочими городами Московской Руси. При этом 300 лучших семейств были отправлены из Пскова на поселение в Москву, и на их место по установившемуся обычаю в Псков были присланы 300 купеческих семейств из разных городов Московского княжества. Затем все остальное правление Василия было посвящено упорной борьбе за русские области, подпавшие под власть Литвы на западной границе Руси. Эта борьба длилась более 16 лет с небольшими перерывами, и, несмотря

Оружие, сбруя и различная дорожная утварь в Московской Руси XVI в. С гравюры из книги З. Герберштейна 1560 г., изданной в Вене.

Василий III
1505—
1533 гг.

Присоединение
Пскова к
Москве.
1510 г.

*Василий III Иванович.
С гравюры из книги З. Герберштейна 1560 г., изданной в Вене.*

на изменчивость и колебания военного счастья, все же закончилась важными результатами для Московской Руси.

Когда князь Александр Литовский умер бездетным, Василий III через его вдову (свою сестру), княгиню Елену, пытался побудить Литву к признанию великого князя Московского литовским князем и мирным путем соединить в своих руках обе державы. Но умно задуманная попытка не удалась, и князем Литовским был избран брат Александра *Сигизмунд I Старый*, одновременно избранный и в польские короли. Тогда по первому поводу вспыхнула война и началась так неудачно, что Сигизмунд поспешил ее закончить «вечным миром» с Москвой (1507 г.). «Вечный» мир не простоял и пяти лет: в 1512 г. война возобновилась с новым ожесточением, и при этом все усилия русских были направлены на завоевание *Смоленска*. Три года московские войска под начальством великого князя подступали под стены этой твердыни, и наконец в 1514 г. Смоленск вынужден был сдаться Василию и вновь вошел в состав русских земель после почти векового пребывания под властью литовских князей. Великий князь Московский торжественно въехал в город, подтвердил права, данные литовскими князьями, и разрешил выезд из города всем, кто не желал оставаться у него на службе. Воеводой и наместником Смоленска был назначен мужественный князь *В. В. Шуйский*. Завоевание Смоленска и его области было упрочено так твердо, что даже несколько поражений, понесенных русским войском в течение последних семи лет войны, не дали Литве и Польше возможность возвратить это важное завоевание. В 1522 г. было заключено перемирие, по которому Смоленск остался за московским князем; и хотя война более не возобновлялась при Василии III, она все же была только началом той ожесточенной 250-летней борьбы Руси с Польшей и Литвой за свою западную границу — борьбы, закончившейся торжеством России и падением Польши.

**Борьба с
Литвой за
Смоленск.**

Далеко не в такой степени удачно складывался в это время для Руси *татарский вопрос*. Верный союзник Ивана *Менгли-Гирей* умер; его сыновья, пользуясь нескончаемой войной Василия III в Литве, подкупленные Польшей, выработали положение, неблагоприятное для Руси и выгодное для крымских хищников. Защищенные широкими южнорусскими степями, эти хищники каждую весну стали производить опустошительные набеги сначала на окраины Руси, а затем проникать и внутрь ее. Одно время, когда крымская Орда вступила в тесные связи с Казанью, это положение, занятое татарами, стало внушать Василию весьма серьезные опасения. Пришлось воевать с Казанью, закладывать новые укрепленные города на Волге (Васильсурск), а от южных степей окраины Руси ограждать системой укреплений и засек, тянувшихся на сотни верст. В это время, хотя первое упоминание о «казаках рязанских» встречается в летописи уже под 1444 г., на окраинах степного пространства, на Днепре и Дону, появляются злейшие враги хищных кочевников, усерднейшие защитники русской земли — *казаки*, которые по собственной воле принимали на себя сторожевую службу и вели постоянную борьбу с татарами и другими степными кочевниками. Однако все эти меры не избавили Русь от тяготевших над нею крымских ордынцев: еще в течение 200 лет они разоряли и

**Отноше-
ние к
татарам.
Крым и
Казань.**

грабили русскую землю. Их грабежи прекратились только с завоеванием Крыма при императрице Екатерине II.

Характеристика Василия III.

Карамзин недаром говорил, что «основатели великих монархий не отличаются нежностью сердца». Этот его отзыв, возможно, еще в большей степени следует применить к Василию III, нежели к Ивану III. Он унаследовал в правлении твердость отца, а в отношениях к придворным и боярам гордость и недоступность матери. Еще более, нежели отец, он окружил себя роскошью, богатством и великолепием. При торжественных случаях он являлся в блестящей царственной одежде, в золотой шапке, осыпанной драгоценными камнями, окруженный богато одетой свитой бояр и почетной стражей, стоявшей у трона. Послы императора Карла V, случайно встретившиеся под Можайском с великим князем Московским, выехавшим на охоту, были поражены блеском и великолепием его свиты. Но еще более своего отца Василий удалялся от вельмож и советников и доверял лишь немногим любимцам. Со стороны бояр и приближенных лиц он не допускал ни малейшего прекословия и за всякое ослушание наказывал их опалой, ссылкой и даже смертной казнью. Не менее сурово относился он и к подвластным ему потомкам удельных князей: в случае каких-либо подозрений он вызывал их в Москву на суд и подвергал заточению. Барон Зигмунд Герберштейн, близко присмотревшийся к Василию и его двору, хорошо ознакомившийся с Московской Русью во время двух своих путешествий, имел право сказать, то он «не знает в Европе государя более могущественного, нежели великий князь Московский».

Русские всадники в кюках (стеганых войлочных доспехах). С гравюры из книги З. Герберштейна.